

УДК 81'33 + 811.1/8(072)

UDC 81'33 + 811.1/8(072)

**СЦЕНАРНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ
ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТОВ
В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ
К РЕПРОДУЦИРОВАНИЮ
ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ**

**SCENARIO REALIZATION
OF FORMING
TEXTS DEPENDING
ON INDIVIDUAL APPROACHES
TO REPRODUCTION
OF FOREIGN SPEECH**

Ирит Шифрон-Борейко,
*старший преподаватель
кафедры теории и методики
преподавания русского языка
как иностранного БГУ*

Irit Shifron-Boreiko,
*Senior Teacher
of the Department of Theory
and Methods of Teaching Russian
as a Foreign Language, BSU*

Поступила в редакцию 12.07.2023.

Received on 12.07.2023.

В статье обосновывается стратегический подход к исследованию репродуцирования иноязычной речи, указывается на неразработанность теоретических аспектов репродуцирования речи в рамках традиционной методики обучения иностранным языкам. Акцентируется внимание на сложности выявления стратегий репродуцирования речи в связи с двойственной направленностью этого процесса, охватывающего как стратегии понимания первичных текстов, так и стратегии, актуализируемые при смыслоформулировании и построении вторичных текстов. Описаны результаты проведенных экспериментов, в ходе которых было установлено, что процесс репродуцирования русской научной речи иностранными студентами обеспечивается одной из четырех макростратегий, которые определяют избранный репродуцентом вектор построения вторичного текста и одновременно указывают на предпосылки выбора этого вектора, главной из которых является индивидуально-стилевая характеристика испытуемого. Анализ вторичной текстовой продукции испытуемых с опорой на их письменные записи ключевых слов позволил установить, что избранные испытуемыми макростратегии задают набор соответствующих стратегий репродуцирования речи, краткие перечни которых даны для каждого из четырех кластеров.

Ключевые слова: стратегическая лингводидактика, овладение и пользование иностранным языком, речевые стратегии, репродуцирование иноязычной речи, макростратегии репродуцирования.

The article substantiates the strategic approach to the study of foreign language speech reproduction, points out the underdevelopment of theoretical aspects of speech reproduction within the framework of traditional methods of teaching foreign languages. Attention is paid to the difficulty of identifying strategies of speech reproduction due to the dual orientation of this process, which covers both the strategies of understanding primary texts and the strategies actualized in the meaning-formulation and construction of secondary texts. The results of the experiments are described, during which it was established that the process of reproduction of Russian scientific speech by foreign students is provided by one of four macrostrategies that determine the vector of secondary text construction chosen by the reproducer and at the same time indicate the prerequisites for choosing this vector, the main of which is the individual and stylistic characteristic of the test subject. The analysis of the subjects' secondary text production based on their written records of key words allowed us to establish that the macrostrategies chosen by the subjects set a set of corresponding strategies of speech reproduction, brief lists of which are given for each of the four clusters.

Keywords: strategic linguodidactics, mastering and using a foreign language, speech strategies, reproduction of foreign speech, macrostrategies of reproduction.

Введение. Основная проблема современной методики преподавания иностранных языков и лингводидактики состоит в умозрительности процессов обучения языку, отсутствия теории овладения и пользования языком и экспериментальных исследований, верифицирующих надежность избранных технологий обучения, что осложняется многими факторами и, прежде всего, тем, что избранная модель обучения с ориентацией на определенный дидактический метод далеко не всегда устраивает самих обучаемых. Известный советский ученый Б. В. Беляев еще в 60-е годы прошлого столетия утверждал, что основным препятствием для разработки единой и непротиворечивой теории овладения и пользования языком является влияние на процесс овладения языком более сотни факторов, включая индивидуальные особенности, склонности и предпочтения обучаемых к выбору тактических

ходов овладения языком, которые в своей совокупности не способны учесть ни одна теория [1]. Стратегическая лингводидактика, базирующаяся на стратегической экспериментальной психолингвистике, как новое научное направление открывает возможности для создания такой теории овладения и пользования языком. Цель стратегической психолингвистики – выявить и описать стратегии, которыми пользуются при овладении и пользовании иностранным языком наиболее успешные обучаемые, а цель стратегической лингводидактики – на основе выявленных стратегий разработать эффективные стратегии обучения, максимально коррелирующие с естественным процессом усвоения языка и овладения речью. Первая удачная попытка описать стратегический потенциал иностранных учащихся при восприятии и понимании устной научной речи была сделана белорусским ученым

С. И. Лебединским, который экспериментально установил свыше 80 стратегий понимания речи [2–4]. Им же была предложена типология стратегий в других видах речевой деятельности, а также в усвоении фонетики, лексики и грамматики иностранного языка [5].

Автор данной статьи, взяв за основу положения С. И. Лебединского, избрал одну из наименее разработанных проблем в современной психолингвистике – проблему репродуцирования иноязычной речи. Несмотря на то что в лингводидактической литературе термин *репродуцирование речи* используется довольно активно, практическое освоение этого подвида речевой деятельности в учебном процессе ориентировано исключительно на построение вторичных текстов, при этом сам процесс репродуцирования речи от стадии восприятия первичного текста до стадии планирования вторичного текста не исследован, что приводит к чрезмерно упрощенному представлению об этом сложном подвиде речевой деятельности и существенно обедняет лингводидактическую теорию и модель обучения репродуцированию иноязычной речи. Из обучения устраняются такие важные процедуры, на которые указывал в своих работах С. И. Лебединский, как смысловое конденсирование и сепарация воспринимаемой информации, переструктурирование воспринимаемой информации с целью представления ее в более удобном для репродуцирующего смысле формате, построение схем первичных текстов на основе ключевых слов текста, которые не всегда совпадают с ключевыми словами ментального лексикона обучаемых, построение концепта текста посредством сгущения пропозиций и перевода их в более крупные смысловые пропозиции, насыщение и детализация контекста на этапе планирования вторичного текста, что определяет индивидуальную специфику вторичного текста, разверстка концепта первичного текста во вторичный текст посредством индивидуальных схем текстопостроения, которые более привычны обучаемым и определяют особенностями их когнитивно-стилевой природы и склонностью к использованию ограниченного репертуара структурных схем предложений.

Основная часть. Отсутствие фундаментальных психолингвистических исследований процессов репродуцирования иноязычной речи отрицательно отразилось на теории и практике преподавания иностранных языков, где доминирует слишком упрощенный взгляд на обучение этому подвиду речевой деятельности, которое строится на неких умозрительных методических шаблонах (например, таких как «прочитать текст», «ответить на вопросы по тексту», «выписать ключевые слова», «составить план текста и передать его содержание»). Навязываемая учащимся шаблонная модель обучения зачастую не коррелирует с их индивидуальными предпочтениями в выборе стратегий репродуцирования речи и не учитывает их вариативность, основанную на индивидуальной когнитивно-стилевой природе, определяемой способностями репродуцирующего к узкому или широкому диапазону сканирования воспринимаемой информации, к ее когнитивному упрощению или усложнению, к переструктурированию первичных текстов и их ментальному перекодированию с подгонкой под репрезентации,

отражающие личный взгляд репродуцирующего на предметное содержание стимульных текстов. Под стратегиями в нашей работе понимаются общие и индивидуальные способы переработки информации, позволяющие накапливать, автоматизировать, а затем и включать новые языковые единицы, структуры и правила в собственную когнитивную схему [6, с. 164–165; 2, с. 78–79]. В этом смысле стратегии можно «отождествить с интегрированными моделями когнитивных действий, занимающих промежуточную позицию между навыками и умениями» [4, с. 8]. Развитие стратегического направления в лингводидактике дало мощный импульс к исследованию речемыслительных процессов и операционных схем порождения речевой продукции [7, с. 38], долгое время находившихся в тени изучения проблем восприятия и понимания речи. Именно сценарные реализации стратегий говорения в 1980-х – 1990 г. были избраны главным объектом исследований основоположниками стратегической лингводидактики Дж. Рубин [8–9], Р. Оксфорд [10–11], Э. Тэроун [12], а затем переосмыслены в психолингвистическом аспекте К. Фэрх и Г. Каспер [13], Е. Бялысток [14], А. А. Залевской [15] и С. И. Лебединским [5]. В рамках стратегической лингводидактики сегодня получает новое осмысление и проблема репродуцирования речи, которая долгое время игнорировалась в психолингвистике и контурно разрабатывалась в лингводидактике, но не в контексте изучения процессов репродуцирования речи, а в контексте обучения корректному построению инфонимами вторичных текстов при обучении конспектированию, тезированию и реферированию.

Репродуцирование речи можно определить как процесс последовательного изложения смыслового содержания воспринятого первичного текста, выступающего в качестве смысловой опоры для построения вторичного текста, который в идеале по своему содержанию должен соответствовать тексту-оригиналу. С позиции стратегического подхода к изучению иноязычной речевой деятельности сегодня становится очевидным, что репродуцирование речи обеспечивается как особенными сочетаниями стратегий речевосприятия и речепорождения, так и целым рядом специфических стратегий. Существование последних на сегодняшний день лишь задекларировано в классификации стратегий овладения и пользования иностранным языком С. И. Лебединского [5, с. 47–60], их детализация и экспериментальная верификация только начаты его учениками. Актуальность данных исследований обусловлена не только важностью репродукции в процессе овладения иностранным языком, но и ее особой ролью в теоретических и прикладных исследованиях в области речевосприятия и речепорождения. Если говорить о лингводидактической плоскости, то, во-первых, репродуцирование (по Е. И. Пассову) лежит в основе обучения «истинной продукции» [16], а во-вторых, является средством обучения как языку специальности, так и самой специальности в вузе, особенно при получении образования на изучаемом иностранном языке. Что касается опоры на вторичный текст в ходе различных психолингвистических экспериментальных исследований, то здесь представляется необходимым указать на тот факт, что уровни сформированности

навыков восприятия речи (как устной, так и письменной) и навыков ее репродуцирования (особенно в устной форме) у обучающихся на иностранном языке (с учетом их этнической лингвокогнитивной стилиевой принадлежности) далеко не всегда коррелируют друг с другом. Это кажущееся очевидным положение обычно не фигурирует в исследовательских работах, посвященных проблемам речевосприятия, тогда как неэффективное пользование испытуемыми стратегиями репродукции может служить помехой для корректного понимания результатов экспериментов.

В ходе опытного обучения и пробных экспериментов, проведенных на различных факультетах БГУ, автором установлено, что многие стратегии, актуализируемые при переработке научной информации, содержащейся в первичном тексте, коррелируют со стратегиями, необходимыми для вторичного текстопостроения, хотя и не соответствуют им по сценарным реализациям. При этом важно подчеркнуть, что от речепорождения репродуцирование отличается не столько самим фактом наличия первичного текста, который служит основой для письменного или устного текстового продукта, сколько мотивационной составляющей. Даже если «свободное» порождение высказывания также мотивировано неким стимульным текстом, перед продуцирующими и репродуцирующими стоят разные цели. У репродуцирующего отсутствует собственный коммуникативный замысел, его деятельность направлена на понимание и передачу коммуникативного замысла автора первичного текста в форме вторичного.

Другим важным отличием можно считать то, что этап смыслового планирования вторичного текста у репродуцирующего длится на протяжении всего восприятия первичного текста, при этом часть информации теряется, а оставшаяся информация либо остается в прежнем виде, либо модифицируется или преобразуется с подгонкой под приемлемый для репродуцирующего смысловой формат. В-третьих, соотношение длительности этапов семантического и смыслового кодирования высказываний также отличается: семантическое кодирование при репродукции протекает гораздо быстрее, чем при продуцировании речи, а смысловое кодирование – наоборот, медленнее. В-четвертых, восприятие речи невозможно без операции сгущения пропозиций, тогда как при построении вторичного текста «разверстка пропозиций» может осуществляться в более произвольном и упрощенном смысловом формате, в том числе и с пропуском некоторых «сгущенных» пропозиций и с потерей смыслов [17]. Перечисленные факторы формируют специфику речемыслительного процесса репродуцирования речи. Данный процесс осуществляется в несколько этапов и осложнен также необходимостью актуализации компенсаторных стратегий, формирование которых осуществляется при активном участии метакогнитивных стратегий мониторингового и корректирующего типов (более подробно специфика этих стратегий в контексте репродуцирования иноязычной речи описана в работе автора [18]). Обычно компенсаторные стратегии актуализируются при возникновении смысловых и языковых трудностей в процессе понимания первичных текстов и построения вторичных текстов. Эти трудности могут

быть вызваны разными причинами – смысловой и языковой сложностью первичного текста, нехваткой языкового опыта, отсутствием адекватных языковых ресурсов, необходимыми для передачи отдельных смыслов первичного текста, отсутствием навыков переструктурирования текста, несформированностью когнитивной базы и понятийного инструментария инофонов для освоения стимульных текстов, неумением уплотнять информацию и дифференцировать ее на значимую и незначимую и т. д., поэтому компенсаторные стратегии будут носить вариативный характер и охватывать разный объем компенсационных процедур (от единичной стратегии до целого комплекса последовательно реализуемых стратегий).

Разнообразие стратегий, задействуемых при репродуцировании иноязычной речи, во многом объясняет, почему ее процессуальные аспекты долгое время оставались не исследованными ни в психолингвистике, ни в лингводидактике. Для того чтобы описать в полной мере стратегический операционный потенциал репродуцирования речи, необходимо иметь в наличии весь перечень операционных стратегий восприятия и порождения речи, однако ни того, ни другого в психолингвистике прежде сделано не было. Восприятие и порождение речи исследовались, но преимущественно в аспекте их обобщенных процедурных схем. Между тем, очевидно, что без знания этих операционных стратегий и последовательности их реализации на уровне конкретных речемыслительных и речевых операций обучить грамотному построению вторичных текстов невозможно, что подчеркивает актуальность и важность для современной лингводидактики как самой проблемы репродуцирования иноязычной речи, так и сценариев реализации репродуктивных процессов при построении вторичных текстов.

При обучении инофонов репродуцированию русской речи не трудно заметить, какими разными по содержанию, объему, выделению одних деталей и пропуску других смыслов, оказывается вторичная текстовая продукция обучаемых. Наша цель состояла в том, чтобы установить причины таких отличий, и, прежде всего тех из них, которые отвечали за вариативность избранных инофонами стратегий, ответственных за сценарные реализации построения вторичных текстов в зависимости от индивидуальных подходов к репродуцированию иноязычной речи. Для того чтобы ограничить влияние на вариативность стратегий репродуцирования речи уже упомянутого выше широкого спектра причин и исследовать экспериментально данную проблему только в аспекте индивидуальных склонностей, предпочтений и возможностей в выборе стратегий репродуцирования речи, было решено привлечь к участию в экспериментальной части исследования только тех инофонов, у которых уровень владения русским языком в профессиональной сфере общения по международной классификации соответствовал уровню В2 и выше. Такой подбор участников эксперимента устранял из потенциальных причин вариативности выбора стратегий факторы уровня владения языком и профессиональной компетентности инофонов. Автором статьи было проведено три пробных эксперимента с разным составом участников (студенты гуманитарных (международники

и экономисты) и естественно-научных специальностей (физики, химики, биологи) по 20 испытуемых в каждой группе). Перед проведением экспериментов испытуемые были протестированы на наличие у них доминирующих когнитивных стилей по тестам, определяющим склонность испытуемых при репродуцировании иноязычной речи: а) к широкому или узкому диапазону сканирования информации; б) к максимальному сохранению синтактико-смысловых схем первичных высказываний или к переструктурированию высказываний; в) к детализации или генерализации воспринимаемой информации; г) к упрощенному или усложненному способу передачи воспринятой информации во вторичном тексте. При отборе текстового материала для эксперимента были избраны тексты предметного фактологического содержания, поскольку освоение сверхабстрактных текстов уже само по себе составляет трудность для инофонов. Эксперименты включали прослушивание текстов и воспроизведение их содержания в устной форме с опорой на письменную фиксацию испытуемыми ключевых слов по ходу восприятия текстов. Результаты экспериментов записывались на диктофон. Цель экспериментов состояла в выявлении присущих испытуемым когнитивных стилей и их предрасположенности к выбору индивидуально предпочтительных макростратегий репродуцирования иноязычной речи.

Под макростратегиями репродуцирования иноязычной речи автор понимает предпочтительный путь испытуемых к построению вторичных текстов, который определялся четырьмя сценариями вторичного текстопостроения – склонностью испытуемых при репродуцировании первичных текстов к имитации, синтаксическому переструктурированию первичных высказываний, их смысловому перефразированию или к «свободному» репродуцированию с полным или частичным преобразованием первичного текста и с добавлением во вторичный текст новых смыслов. В ходе проведенных нами экспериментов была установлена прямая корреляция между когнитивными стилями и избранными макростратегиями репродуцирования речи. Так, одни испытуемые, тяготеющие к когнитивным полюсам контекстозависимости и широкого диапазона сканирования воспринимаемой информации, при построении вторичных текстов ориентировались на имитативную макростратегию, которая позволяла им строго придерживаться общего формально-смыслового рисунка первичного текста. Такие студенты, во-первых, были способны за один прием принимать и перерабатывать большее количество информации, а во-вторых, демонстрировали более высокую точность понимания текста по сравнению со студентами, которые тяготели к полюсу узкого диапазона сканирования информации и использовали тактику приема информации мелкими порциями. Другие испытуемые, тяготеющие к полюсу когнитивной контекстнезависимости, который указывает на хорошо развитые навыки переструктурирования текстов, и узкому диапазону сканирования информации, избирали трансформационную макростратегию и изначально ориентировались на синтаксическое, смысловое или логико-смысловое преобразование первичного текста в трех режимах: частичной модификации высказываний первичного

текста, частичной трансформации высказываний и полной трансформации высказываний с возможным выходом за пределы стимульного текста. Третьи испытуемые, тяготеющие к полюсам когнитивного упрощения и генерализации воспринимаемой информации, изначально ориентировались на макростратегию смыслового и языкового упрощения первичного текста, предполагающую стремление к анализу структуры его содержания с целью выделения главных смысловых элементов и максимального отсева избыточной информации. Четвертые испытуемые, напротив, тяготели к полюсам когнитивного усложнения и детализации воспринятой информации. Они избирали свободно порождающую макростратегию, при реализации которой внимание репродуциента направлялось, главным образом, на предметное содержание стимульного текста. В порождаемой вторичной речевой продукции таких испытуемых появлялись не только модифицированные, но и новые смыслы, которые отсутствовали в первичных текстах, но соответствовали знаниям испытуемых о предмете речи.

Всего из 60 студентов, участвовавших в экспериментах, 4 испытуемых условно были отнесены к первой группе, 14 – ко второй, 24 – к третьей и 4 – к четвертой. Остальные 14 испытуемых меняли свои тактики по ходу построения вторичных текстов, что свидетельствовало о возникновении у них определенных трудностей при вторичном текстопостроении. Среди них особенно часто меняли свои тактики испытуемые (8 студентов), которые при тестировании когнитивных стилей были отнесены нами к когнитивному полюсу широкого диапазона сканирования информации. Избрав в начале построения вторичных текстов имитативную макростратегию репродуцирования речи, после нескольких построенных высказываний, они сбились и стали использовать трансформационные процедуры и процедуры, направленные на упрощение высказываний. По нашим выводам, выбор такими испытуемыми имитативной макростратегии был обусловлен их когнитивной-стилевой природой, но информационная сложность воспринимаемого материала и боязнь показать низкий результат в экспериментах заставил их после двух-трех корректно восстановленных высказываний перейти к более узкому диапазону сканирования информации, и в их записях стали появляться не только значимые ключевые слова, но и слова, выражающие второстепенную информацию, что отразилось на качестве их речевой продукции и на выборе ими доминирующих макростратегий. Остальные 6 из 14 испытуемых после тестирования когнитивных стилей были отнесены нами сразу к двум когнитивным полюсам – к полюсу контекстнезависимости и к полюсу когнитивного упрощения, что и позволило объяснить их нечеткую ориентацию на одну из двух макростратегий при построении вторичных текстов.

Исследование вторичной текстовой продукции испытуемых позволило установить, что избранные испытуемыми макростратегии задают набор соответствующих стратегий репродуцирования речи. Так, у имитативной макростратегии список базовых стратегий невелик. В основном это стратегии разбивки сложных высказываний на составляющие, замена некоторых слов смысловыми эквивалентами, которые

более привычны и частотны для ментального лексикона репродукентов, а также возврат к пропущенным смыслам при обнаружении таковых, поиск адекватного способа их вставки. При ориентации репродукентов на трансформационную макростратегию возможна актуализация трех базовых подтипов стратегий: стратегий синтаксического переструктурирования текста / высказывания, стратегий смыслового преобразования и стратегий логико-смыслового преобразования. Возможно также использование смешанных стратегий, например, стратегий синтаксико-смыслового преобразования первичных высказываний, когда одна часть высказывания подвергается синтаксическому переструктурированию, а другая – смысловому преобразованию. Для макростратегии семантического (смыслового) упрощения первичных текстов базовыми будут являться стратегии упрощения стимульного текста до уровня первой предикации с частичным отражением элементов второй предикации или же полным отказом от любых элементов, которые когнитивный упрости-тель считает избыточными. Ориентируясь на свободу порождающую макростратегию, репродукент, не испытывающий, как правило, затруднений с восприятием стимульного текста и построением репрезентации вторичного, главным образом, задействует стратегии уточнения или детализации смыслов, стратегии дополнения и расширения смыслов, а также стратегии синтаксического и логико-смыслового перефразирования. Арсенал стратегий, используемых в рамках двух последних макростратегических комплексов, и особенно при актуализации свободно порождающей макростратегии, достаточно велик, чрезвычайно вариативен и зависит от широкого круга факторов. Эти стратегии являются максимально индивидуализированными, поскольку они не только обусловлены предпочтительными для каждого репродукента схемами построения вторичных речевых продуктов, но и формируются на основе его индивидуально-личностных конструктов, которые могут быть простыми и сложными. Следовательно, стратегии, которыми пользуются репродукенты при переработке информации, содержащейся в воспринимаемом высказывании, и при ее структуриро-

вании в процессе репродукирования высказывания, могут быть как когнитивно упрощенными, так и когнитивно усложненными. Уточнение, разработка и экспериментальная верификация максимально полного перечня стратегий репродукирования иноязычной речи с участием в экспериментах большого количества испытуемых и разнообразного текстового материала, в том числе и усложненного, является целью дальнейших исследований автора.

Заклучение. Анализ результатов проведенных нами экспериментов показывает, что процесс репродукирования русской речи иностранными студентами обеспечивается одной из четырех макростратегий, которые определяют избранный репродукентом путь построения вторичного текста и одновременно указывают на его предпочтения в выборе этого пути. В зависимости от уровня владения языком, когнитивной базы репродукента и его способности к переструктурированию высказываний используемые им стратегии варьируются и во многом определяются личностными конструктами, формируемыми под влиянием когнитивных стилей, присущих репродукентам. Когнитивная усложненность таких конструктов приводит к выделению в воспринимаемой информации множества взаимосвязанных аспектов, а их когнитивная упрощенность, наоборот, ограничивает набор сведений, которыми оперирует репродукент. Все это неизбежно проявляется при ментальном перекодировании и последующей внешне-синтаксической разверстке воспринятого, то есть при построении вторичных текстов. Речевые сбои, допускаемые репродукентами, свидетельствуют о возникновении коммуникативных затруднений, которые частично или полностью устраняются посредством использования инофонами соответствующих компенсаторных стратегий, репертуар которых столь же велик, как и репертуар стратегий репродукирования речи.

Стратегический подход к исследованию процессуальных основ репродукции иноязычной речи позволяет раскрыть лингводидактический потенциал этого подвиды речевой деятельности, а также выработать методологию анализа вторичных текстов в исследовательских целях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев, Б. В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам: Пособие для преподавателей и студентов / Б. В. Беляев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1965. – 227 с.
2. Лебединский, С. И. Стратегии смыслового восприятия и интерпретации устной иноязычной научной речи / С. И. Лебединский. – Минск : БГУ, 2014. – 296 с.
3. Лебединский, С. И. Стратегии понимания устной научной речи: экспериментальное исследование / С. И. Лебединский. – Минск : БГУ, 2017. – 327 с.
4. Лебединский, С. И. Контекстуально-смысловые стратегии понимания устной научной речи : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / С. И. Лебединский. – Минск, 2018. – 553 л.
5. Лебединский, С. И. Стратегическая теория овладения русским языком как иностранным и стратегия обучения / С. И. Лебединский. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2019. – 422 с.
6. Ellis, R. Understanding second language acquisition / R. Ellis. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1985. – 327 p.
7. Crookes, G. Second language research: a methodologically-oriented review / G. Crookes // Univ. of Hawaii working papers in ESL. – 1990. – Vol. 9, № 2. – P. 31–65.

REFERENCES

1. Belyaev, B. V. Oчерки po psihologii obucheniya inostrannym yazykam: Posobie dlya prepodavatelej i studentov / B. V. Belyaev. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Prosveshchenie, 1965. – 227 s.
2. Lebedinskij, S. I. Strategii smyslovogo vospriyatiya i interpretacii ustnoj inoyazychnoj nauchnoj rechi / S. I. Lebedinskij. – Minsk : BGU, 2014. – 296 s.
3. Lebedinskij, S. I. Strategii ponimaniya ustnoj nauchnoj rechi: eksperimental'noe issledovanie / S. I. Lebedinskij. – Minsk : BGU, 2017. – 327 s.
4. Lebedinskij, S. I. Kontekstual'no-smyslovye strategii ponimaniya ustnoj nauchnoj rechi : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.19 / S. I. Lebedinskij. – Minsk, 2018. – 553 l.
5. Lebedinskij, S. I. Strategicheskaya teoriya ovladeniya russkim yazykom kak inostrannym i strategii obucheniya / S. I. Lebedinskij. – Minsk : Belarus. gos. un-t, 2019. – 422 s.
6. Ellis, R. Understanding second language acquisition / R. Ellis. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1985. – 327 p.
7. Crookes, G. Second language research: a methodologically-oriented review / G. Crookes // Univ. of Hawaii working papers in ESL. – 1990. – Vol. 9, № 2. – P. 31–65.

8. Rubin, J. What the 'good language learner' can teach us / J. Rubin // TESOL Quarterly, 9. – 1975. – P. 41–51.
9. Rubin, J. Study of Cognitive Processes in Second Language Learning // J. Rubin // Applied Linguistics. – 1981. – Vol. 11. – P. 117–123.
10. Oxford, R. Language learning strategies: What every teacher should know / R. Oxford. – New York : Newbury House, 1990.
11. Oxford, R., Nyikos, M. Variables Affecting Choice of Language Learning Strategies by University Students / R. Oxford, M. Nyikos // The Modern Language Journal. – 1989. – 73/3. – P. 291–300.
12. Tarone, E. Communication strategies, foreigner talk, and repair in interlanguage / E. Tarone // Language learning. Journal of research in language studies. – 1980. – Vol. 30. – № 2. – P. 417–428.
13. Faerch, C. Processes and strategies in foreign language learning and communication / C. Faerch, G. Kasper // Interlanguage Studies Bulletin. – 1980. – Vol. 5, № 1. – P. 47–118.
14. Bialystok, E. Strategies in interlanguage learning and performance / E. Bialystok / Davies, A, Cripser, C. (Eds.) // Interlanguage: Proceedings of the seminar in honour Pit Corder. – Edinburgh, 1984.
15. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику: учеб. для вузов по филол. специальностям / А. А. Залевская. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 382 с.
16. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1991. – 223 с.
17. Шифрон-Борейко, И. Структура репродукции речи в лингвостратегической парадигме исследований / И. Шифрон-Борейко // Международный педагогический форум «Русский язык без границ: новые возможности развития диалога культур» : сб. ст. междунар. науч.-метод. конф. «Русский язык и русская литература в современном научном пространстве», организ. в рамках междунар. пед. форума «Русский язык без границ: новые возможности развития диалога культур», провед. при финансовой поддержке М-ва просвещения Российской Федерации, Республика Беларусь–Россия, 21–24 нояб. 2022 г. / Нац. исслед. Нижегород. гос. ун-т, Ин-т филологии и журналистики ; редкол.: И. Ю. Абрамова (отв. ред.), Л. В. Грехнёва (зам. отв. ред.), И. В. Толкачева. – Н. Новгород, 2022. – С. 405–411.
18. Шифрон-Борейко, И. Вариативный потенциал метакогнитивных и компенсаторных стратегий иностранцев при репродукции русской речи на разных этапах формирования коммуникативной компетенции / И. Шифрон-Борейко // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов Междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. Л. А. Араевой, Москва, 3–4 февр. 2022 г. / Гос. ин-т рус. яз. ; Э. М. Афанасьева (отв. ред.) [и др.]. – Москва, 2022. – С. 115–120.
8. Rubin, J. What the 'good language learner' can teach us / J. Rubin // TESOL Quarterly, 9. – 1975. – R. 41–51.
9. Rubin, J. Study of Cognitive Processes in Second Language Learning // J. Rubin // Applied Linguistics. – 1981. – Vol. 11. – P. 117–123.
10. Oxford, R. Language learning strategies: What every teacher should know / R. Oxford. – New York : Newbury House, 1990.
11. Oxford, R., Nyikos, M. Variables Affecting Choice of Language Learning Strategies by University Students / R. Oxford, M. Nyikos // The Modern Language Journal. – 1989. – 73/3. – P. 291–300.
12. Tarone, E. Communication strategies, foreigner talk, and repair in interlanguage / E. Tarone // Language learning. Journal of research in language studies. – 1980. – Vol. 30. – № 2. – P. 417–428.
13. Faerch, C. Processes and strategies in foreign language learning and communication / C. Faerch, G. Kasper // Interlanguage Studies Bulletin. – 1980. – Vol. 5, № 1. – P. 47–118.
14. Bialystok, E. Strategies in interlanguage learning and performance / E. Bialystok / Davies, A, Cripser, C. (Eds.) // Interlanguage: Proceedings of the seminar in honour Pit Corder. – Edinburgh, 1984.
15. Zalevskaya, A. A. Vvedenie v psiholingvistiku: ucheb. dlya vuzov po filol. special'nostyam / A. A. Zalevskaya. – M. : Ros. gos. humanit. un-t, 2000. – 382 s.
16. Passov, E. I. Kommunikativnyj metod obucheniya inoyazychnomu govoreniu / E. I. Passov. – 2-e izd. – M. : Prosveshchenie, 1991. – 223 s.
17. Shifron-Borejko, I. Struktura reproducirovaniya rechi v lingvostategicheskoj paradigme issledovanij / I. Shifron-Borejko // Mezhdunarodnyj pedagogicheskij forum «Russkij yazyk bez granic: novye vozmozhnosti razvitiya dialoga kul'tur» : sb. st. mezhdunar. nauch.-metod. konf. «Russkij yazyk i russkaya literatura v sovremennom nauchnom prostranstve», organizov. v ramkah mezhdunar. ped. foruma «Russkij yazyk bez granic: novye vozmozhnosti razvitiya dialoga kul'tur», proved. pri finansovoj podderzhke M-va prosveshcheniya Rossijskoj Federacii, Respublika Belarus'–Rossiya, 21–24 noyab. 2022 g. / Nac. issled. Nizhegor. gos. un-t, In-t filologii i zhurnalistiki ; redkol.: I. Yu. Abramova (otv. red.), L. V. Grekhnyova (zam. otv. red.), I. V. Tolkacheva. – N. Novgorod, 2022. – S. 405–411.
18. Shifron-Borejko, I. Variativnyj potencial metakognitivnyh i kompensatornyh strategij inostrancev pri reproducirovanii russkoj rechi na raznyh etapah formirovaniya kommunikativnoj kompetencii / I. Shifron-Borejko // Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya : sb. materialov Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. pamyati prof. L. A. Araevoj, Moskva, 3–4 fevr. 2022 g. / Gos. in-t rus. yaz. ; E. M. Afanas'eva (otv. red.) [i dr.]. – Moskva, 2022. – S. 115–120.